

Анастасия Александровна ДРЫГИНА

Казанский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации

«Российский университет кооперации»

Н. Ершова ул., 58, Казань, 420081, Республика Татарстан, Российская Федерация

ana_drygina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3099-2413

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЫЧАЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЛЕТАЛЬНОГО ОРУЖИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Если в военное время применение нелетального оружия как средства ведения войны регулируется конвенциями и обычаями войны, в рамках правоохранительной деятельности требования, относящиеся к данным видам оружия, в основном отражены в актах мягкого права (стандарты, рекомендации, руководства). Часто в силу мягкости характера указанных норм, они не обеспечивают нормального правового регулирования для нелетального оружия, в то время как организации, занимающиеся защитой прав человека, неоднократно указывали, что применение нелетального оружия в рамках правоохранительной деятельности может быть неизбирательным и летальным. Возникает вопрос: существуют ли в международном праве императивные нормы, регулирующие или запрещающие применение часто непредсказуемого и порой экспериментального нелетального оружия в контексте правоохранительной деятельности?

Данная статья ставит своей целью определить, имеются ли международные обычаи в сфере международного права прав человека, способные регулировать использование нелетального оружия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В основе настоящего исследования лежат труды как отечественных, так и зарубежных экспертов, специализирующихся на международном праве. В силу специфики природы нелетального оружия и для достоверности результатов в исследовании также использовались работы специалистов в сфере других наук (медицинских, технических). Автором были изучены международные соглашения, документы международных организаций, судебная практика и научная литература. При подготовке исследования использовались общенаучные, междисциплинарные (опрос и интервьюирование) и специально-юридические (формально-юридический и сравнительно-правовой) методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В данной статье определено значение международного обычая в области международного права прав человека, изучены его воплощения в иных источниках международного права. Обоснована применимость международных обычаев при регулировании использования нелетального оружия в правоохранительной деятельности, а именно таких обычаев, как запрет произвольного лишения жизни, запрет пыток, жестоко-

го, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, запрет порабощения, запрет геноцида и преступлений против человечности, принципы необходимости и пропорциональности при осуществлении правоохранительной деятельности. Также предложено рассмотреть возможность урегулирования применения нелетального оружия посредством международных обычаев, касающихся применения неизбирательного оружия и экспериментов над человеком.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор пришел к выводу, что международные обычаи действительно способны выступать в качестве источника регулирования применения нелетального оружия в рамках правоохранительной деятельности. Однако это происходит опосредованно, через обязательства государств по обеспечению основных прав и свобод человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международный обычай, нелетальное оружие, практика государств и *opinio juris*, международное право прав человека, биохимическое оружие, биологическое оружие, нормы *jus cogens*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дрыгина А.А. 2025. Права человека: роль международного обычая в регулировании применения нелетального оружия. – Московский журнал международного права. № 2. С. 113–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-113-132>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

HUMAN RIGHTS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-113-132>

Anastasia A. DRYGINA

Kazan Cooperative Institute (branch) of the autonomous non-profit educational organization of higher education of the Central Union of the Russian Federation "Russian University of Cooperation" 58, N. Ershova st., Kazan, Republic of Tatarstan, 420081

ana_drygina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3099-2413

Research article

UDC: 341

Received 26 August 2025

Approved 10 May 2025

HUMAN RIGHTS: THE ROLE OF INTERNATIONAL CUSTOM IN REGULATING THE USE OF NON-LETHAL WEAPONS

INTRODUCTION. *If in wartime the use of non-lethal weapons as a means of warfare is regulated by conventions and customs, in the context of law enforcement, the requirements related to these kinds of weapons are mainly reflected in acts of "soft law" (standards, recommendations, guidelines). Often, due to the "soft" nature of these norms, they do not provide adequate legal regulation for non-lethal weapons,*

while human rights organisations have repeatedly pointed out that the use of non-lethal weapons in law enforcement can be indiscriminate and lethal. The question arises: are there mandatory norms in International Law that regulate or prohibit the use of often unpredictable and sometimes experimental non-lethal weapons in the context of law enforcement? This article aims to determine whether there are international

customs in the field of International Human Rights Law that can regulate the use of non-lethal weapons.

MATERIALS AND METHODS. This study is based on the works of Russian and foreign experts in the field of International Law. Due to the specific nature of non-lethal weapons and for the reliability of the results, the materials studied also include the works of specialists in other sciences (medical, technical). The author studied international agreements, acts of international organisations, case law and scientific literature. In preparing the study, general scientific, interdisciplinary (survey and interviewing) and special legal (formal legal and comparative legal) methods were used.

RESEARCH RESULTS. This article defines the significance of international custom in the field of International Human Rights Law and examines its embodiments in other sources of international law. It substantiates the applicability of international customs in regulating the use of non-lethal weapons in law enforcement, namely such customs as the prohibition of arbitrary deprivation of life, the prohibition of torture, cruel, inhuman and degrading treatment and punishment, the prohibition of enslavement, the prohibition of genocide and crimes against humanity, principles of necessity and proportionality during re-

alisation of law enforcement activities. It also proposes to consider the possibility of regulating the use of non-lethal weapons through international customs concerning the use of indiscriminate weapons and experiments on humans.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The author concluded that international customs are indeed capable of acting as a source for regulating the use of non-lethal weapons in law enforcement activities. However, this occurs indirectly, through the obligations of states to ensure fundamental human rights and freedoms.

KEYWORDS: international custom, non-lethal weapons, state practice and *opinio juris*, International Human Rights Law, biochemical weapons, biological weapons, *jus cogens* norms

FOR CITATION: Drygina A.A. Human Rights: The Role of International Custom in Regulating the Use of Non-Lethal Weapons. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 2. P. 113–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-113-132>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Появление в последние несколько десятилетий широкого ассортимента нелетальных видов оружия¹ стало важным событием для обеспечения охраны правопорядка. Наличие у сотрудников правоохранительных органов такого оружия способствует ограничению использования огнестрельного оружия и дифференцированному применению силы. Правда, последнее во многом зависит от характеристик конкретных видов оружия и контекста его использования².

Однако прежде всего необходимо дать представление, что понимается под «нелетальными

видами оружия». К таким видам относят оружие, специально разработанное и применяемое главным образом для выведения из строя физических лиц или военной (вспомогательной) техники, при этом сводящее к минимуму количество смертельных случаев, постоянный ущерб здоровью, равно как и нежелательный ущерб имуществу, объектам инфраструктуры, оборудованию и окружающей среде³.

Так как понятие «нелетальные виды оружия» включает в себя различные виды оружия (кинетическое, химическое⁴, биохимическое, биологическое, электромагнитное и другие виды), а доктринальные подходы к нему совершенно

¹ Среди огромного количества наименований средств, способных вывести человека и технику из строя, автор предпочитает использование данного термина ввиду его лаконичности и наиболее частого упоминания в доктрине.

² Хейнс К. Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. A/HRC/26/36. Совет по правам человека. 1 апреля 2014. С. 23.

³ Дрыгина А.А. *Международно-правовое регулирование применения нелетальных видов оружия*: дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2023. С. 36.

⁴ Под химическим нелетальным оружием автор понимает «химическое вещество, способное быстро вызывать в организме человека изменения, которые исчезают в течение короткого промежутка времени после прекращения

разнообразны, а также в связи с невозможностью вместить в объем статьи авторское исследование видов нелетального оружия⁵, стараемся ограничиться кратким описанием сущности и назначения данных видов оружия.

Нелетальное оружие обладает следующими признаками:

- специфика цели: разработано и используется для вывода людей или оборудования из строя;

- обратимость действия: эффект от применения нелетального оружия временный. Пораженные люди или техника восстанавливаются в короткие сроки без долгосрочных негативных последствий;

- предсказуемость: воздействие оружия понятно и контролируемо. Ожидаемый эффект соответствует применяемым средствам, исключая непредвиденные серьезные последствия;

- минимизация вреда: главная цель – избежать смертельных случаев, тяжелых или постоянных увечий у людей, а также значительного повреждения техники. Риск таких последствий сведен к минимуму;

- альтернатива летальному оружию: нелетальное оружие предлагает возможность нейтрализации угроз без применения смертельной силы, представляя собой гуманную альтернативу в конфликтных ситуациях⁶.

Важно уточнить, что под нелетальным оружием подразумевается оружие, применяемое органами государства – вооруженными силами, военизированными организациями и сотрудниками охраны порядка (полиции). Средства самозащиты (газовые баллончики, электрошокеры), используемые физическими лицами, не рассматриваются международным правом в качестве оружия⁷.

Нелетальное оружие подлежит регулированию как нормами международного гуманитарного права (МГП), где рассматривается как средство ведения военных действий, так и нормами международного права прав человека (МППЧ), где оно определяется как оружие, используемое правоохранительными органами.

Несмотря на это разделение, МППЧ применимо и в контексте вооруженных конфликтов, поскольку его действие распространяется на любые ситуации, связанные с нарушением прав человека, независимо от того, происходят ли они в мирное время или в условиях войны.

Согласно положениям Руководства ООН по соблюдению прав человека при применении менее смертоносного оружия в правоохранительной деятельности 2020 г.⁸ (Руководство 2020), его действие распространяется на любые акты поддержания правопорядка в соответствии с МППЧ и принципами применения силы. В частности, это касается:

- контртеррористических операций вне рамок ведения боевых действий во время вооруженного конфликта;

- возникновения внутренних беспорядков и напряженности, включая отдельные и спорадические акты насилия;

- правоохранительных действий, осуществляемых за пределами национальной территории;

- случаев, когда функции по поддержанию правопорядка выполняются военнослужащими.

Правовые режимы войны и мира, согласно подходу взаимодополнения и гармонии [Давлетгильдеев 2013:23], не противопоставляются друг другу, однако в некоторых случаях требования к оружию в каждом из них существенно различаются. В данной ситуации необходимо

воздействия». Фактически нелетальное химическое оружие – это то, что в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (1993) (Конвенция о химическом оружии) понимается под средствами борьбы с беспорядками (ирритантами). Примеры применения химического нелетального оружия: 1) раздражение органов чувств и причинение физических расстройств: стерниты, раздражающие верхние дыхательные пути (OS), лакриматоры, вызывающие слезотечение (CN), комплексные ирританты (CS, CR); 2) использование против материальных объектов (в отношении конструкций или транспортных средств): загрязнители топлива, суперкоррозионные вещества, охрупчивающие вещества, суперадгезивы и деполимеризующие вещества); 3) уничтожение посевов и растительности: дефолианты и гербициды (Agent Orange); 4) контроль пространства (липкая пена, скользкие вещества).

⁵ Более подробное исследование видов нелетального оружия см.: Дрыгина А.А. Указ. соч.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ См. также: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Российская газета. 2002. 19 марта. № 48. П. 9.

⁸ Руководство ООН по соблюдению прав человека при применении менее смертоносного оружия в правоохранительной деятельности 2020 года. – УВКПЧ. Нью-Йорк и Женева. ООН. 2020.

руководствоваться принципом *lex specialis derogat lex generalis*, в частности если толкование сходных понятий в различных отраслях международного права приводит к различным результатам.

К примеру, в период вооруженного конфликта право на жизнь регулируется нормами МГП («право не быть произвольно лишенным жизни применяется также и во время военных действий. Однако критерий того, что является произвольным лишением жизни, в таком случае должен определяться применимым *lex specialis*, а именно правом, применимым в вооруженном конфликте»⁹).

В то же время МППЧ также применяется в ситуациях вооруженного конфликта¹⁰. Так, Межамериканский суд по правам человека отметил, что МГП не заменяет применимость ст. 4 Американской конвенции о правах человека 1969 г., а вместо этого усиливает толкование положения, запрещающего произвольное лишение жизни, когда факты имеют место в рамках и в связи с вооруженным конфликтом¹¹.

Мы считаем, что некоторые нормы МГП также могут применяться к отношениям вне вооруженного конфликта. Э. Давид считает: то, «что запрещено в военное время, продолжает быть запрещенным и в мирное время» [Давид 2011:208-209]. Международный суд ООН (МС ООН) указал на существование «элементарных соображений человечности, носящих еще более абсолютный характер в мирное время, чем в военное»¹². Руководство 2020 ссылается на ст. 36 Дополнительного Протокола I (ДП I), обязывающую государства перед закупкой нелетального оружия провести правовую экспертизу с тем, чтобы убедиться, что приобретаемое оружие не будет использовано таким образом, который противоречит внутреннему или международному праву, в частности праву прав человека¹³. Таким образом, можно сделать вывод, что ст. 36 ДП I, являясь нормой гуманитарного права,

распространяет свое действие и на мирное время, так как предполагается, что на момент начала военных действий государства уже будут обладать проверенным в соответствии с нормами международного права оружием.

Сложности во взаимодействии правовых режимов, регулирующих, по сути, один и тот же объект, обусловлены существенными расхождениями в государственных подходах к использованию нелетального оружия в условиях вооруженных конфликтов и правоохранительных операций. Ряд стран применяет единые стандарты к такому оружию вне зависимости от контекста, тогда как другие проводят четкое различие: термин «нелетальное оружие» закрепляется за военной сферой, а в деятельности правоохранительных органов используется понятие «специальные средства».

В современной системе международного права выделяют два основных правовых режима, регулирующих применение нелетального оружия. В рамках настоящей работы мы сфокусируемся на анализе норм МППЧ, действующих в мирное время, а также тех положений МППЧ, которые продолжают применяться в период вооруженных конфликтов. Нормы МГП, непосредственно касающиеся ведения военных действий, не являются предметом исследования данной статьи.

2. Обычай как источник МППЧ

Ряд важных областей международного права (в том числе применение различных видов оружия) по-прежнему регулируется международным обычным правом ввиду следующих причин:

– в случае если государство не ратифицировало договоры о правах человека, оно все равно связано нормами обычного международного права. Все государства также связаны обязательствами в сфере прав человека, когда эти обязательства являются нормами *jus cogens*

⁹ Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. 1996. P. 226. Para 25; Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. 2004. P. 136. Paras. 105 to 113.

¹⁰ Комитет ООН по правам человека: Замечание общего порядка № 31 (80): Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13. 26 мая 2004 г.

¹¹ I/A Court H.R. Case of Cruz Sánchez et al. v. Peru. Preliminary Objections. Merits, Reparations and Costs. Judgment of April 17, 2015. Para 272.

¹² Corfu Channel Case, Judgment of April 9th, 1949. – *ICJ Reports*. 1949. P. 4, 22.

¹³ Руководство 2020. С. 16.

[Dixon, McCorquodale, Williams 2011:200]. Обычай применяются в отношениях с государствами, не являющимися участниками договора, и между ними¹⁴;

– несмотря на мнения некоторых исследователей, общепризнанным является вывод, что обычай не предусматривает выхода из него¹⁵. Действительно, обычай невозможно денонсировать, что является важным обстоятельством в современных отношениях между государствами;

– согласно позиции ряда исследователей, современные международно-правовые обычаи представляют собой более подходящий механизм регулирования межгосударственных отношений. Особую значимость они приобретают в сферах, требующих оперативного реагирования, поскольку, по мнению данных авторов, обычное право демонстрирует большую эффективность и прогрессивность по сравнению с другими источниками международного права [Bederman 2010:43; Helfer, Wuerth 2016:597]. Обычай может появиться в весьма «сжатые сроки, в отличие от многосторонних договоров» [Исполинов 2023:76] и «в отличие от договорных норм, которые зачастую сознательно формулируются нечетко и даже двусмысленно для достижения компромисса среди государств, современные обычные нормы могут быть более детальными и ясными, если они формулируются в резолюциях международных организаций или в решениях международных судов» [Scharf 2014:310].

Еще одна, скорее факультативная, но значимая в рамках данной статьи причина – это отсутствие договорных норм, посвященных нелетальному оружию, а также малочисленность специализированных соглашений, напрямую

касающихся применения оружия в рамках правоохранительной деятельности.

Если в системе МГП вопросы применения оружия, включая нелетальное, прямо закреплены в конкретных международных договорах¹⁶, могут быть выведены через эволютивное толкование из договоров, касающихся данного вида оружия¹⁷, то в рамках МППЧ регулирование данного вопроса опирается исключительно на универсальные принципы и стандарты в области прав человека. При этом национальное законодательство государств демонстрирует крайнюю степень разобщенности в подходе к правовому статусу нелетального оружия.

Правда, необходимо отметить, что нормы, регулирующие применение нелетального оружия в правоохранительной деятельности, упомянуты в Конвенции о химическом оружии (ирританты, некоторые токсичные химикаты); косвенно, фразой «запрещены токсины и агенты, непредназначенные для профилактических, защитных или других мирных целей», подразумеваются в Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972)¹⁸. В то же время в отношении кинетического, акустического, электрического и электромагнитного оружия не предусмотрены специальные международно-правовые акты [Фидлер 2005:193].

Таким образом, в отсутствии применимого международно-договорного регулирования при возможности выхода из договора, в том числе того, что регулирует права человека, а также при некотором пренебрежении государствами, не соблюдающими нормы даже «жесткого» права, стандартами МППЧ в форме рекомендаций,

¹⁴ Текст проектов выводов о выявлении международного обычного права, принятый Комиссией (Текст проектов). Доклад Комиссии международного права. 68 сессия (2 мая – 10 июня и 4 июля – 12 августа 2016 г.). – *Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты*. A/71/10. С. 135. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/a_71_10.pdf (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁵ См.: North Sea Continental Shelf Cases. Judgment. – *ICJ Reports*. 1969. P. 39-40. Para 63. К. Брэдли и М. Гулати в своих исследованиях поднимали вопрос о выходе из обычая, но в то же время отмечали, что сама идея о запрете на выход из обычая окончательно устоялась к середине столетия, превратившись в наше время в некую данность, не подвергаемую сомнению [Bradley, Gulati 2010:226].

¹⁶ Конвенция о химическом оружии. Протокол IV об ослепляющем лазерном оружии. 1995 г.

¹⁷ Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении. 1997 г.; Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (с поправками, внесенными 3 мая 1996 г.); VIII Гагская конвенция о постановке подводных автоматически взрывающихся от соприкосновения мин. 1907 г.

¹⁸ Олеорезин Капсикум (ОС) – вытяжка из жгучего перца, применяется государствами в качестве средства борьбы с беспорядками как раздражающее вещество.

возможность урегулирования применения нелетального оружия в рамках правоохранительной деятельности посредством международного обычая чрезвычайно важна.

Однако прежде всего необходимо разобраться с тем, что из себя представляет обычай в качестве источника международного права. Обычай состоит из материального элемента (практика государств) и духовного элемента (*opinio juris*)¹⁹.

Практика должна быть всеобщей, т. е. распространенной, репрезентативной и последовательной²⁰. Практика – это поведение государств в той мере, в какой оно соответствует предполагаемой норме [Tasioulas 2016:97]. Если долгое время в международном праве среди обязательных условий всеобщей практики указывалась еще и продолжительность, сейчас она уже не является обязательной составляющей. При условии, что практика является всеобщей, какой-либо конкретной продолжительности не требуется²¹. Данное положение очень важно для вопросов регулирования оружия, тем более нового, ведь когда-то данный подход не позволил МС ООН сделать вывод о запрете ядерного оружия ввиду его новизны.

Международный суд ООН выразил позицию, согласно которой «достаточно, чтобы поведение государств в целом соответствовало такой норме, и чтобы примеры поведения государств, не соответствующего данной норме, рассматривались как ее нарушения, а не как свидетельства признания новой нормы»²². Таким образом, «всеобщность должна быть не атрибутом практики, создавшей обычную правовую норму, а атрибутом признания созданной нормы» [Кожевников, Корецкий 1967:180]. Из этого следует, что всеобщая практика изначально обусловлена вторым элементом: чтобы быть юридически значимой, она должна сопровождаться уверенностью в ее правомерности и необходимости в силу международного права [Вылегжанин, Каламкарян 2012:9-10].

Opinio juris – это осознание того, что данная общая практика государств соответствует праву [Вылегжанин, Каламкарян 2012:19]. Признавая норму международного права, государство:

1) принимает на себя обязательство соблюдать ее в качестве императивного правила поведения перед другими государствами, не имея возможности в одностороннем порядке от него отказаться;

2) приобретает корреспондирующее право требовать соблюдения данной нормы от иных субъектов международного права [Тункин 1970:142].

Таким образом, юридическая природа обязательств, вытекающих из международного обычая, идентична правовым связям, устанавливаемым международно-договорными нормами. Оба источника являются публичными, дискурсивными и аргументированными [Postema 2012:732].

Практика необходима, потому что обычай – это норма, которая регулярно «подстраивается» под обстоятельства, в то время как *opinio juris* необходим для того, чтобы отличать обязательный для всех государств правовой обычай от других обычаев и обыкновений [Postema 2007:280].

Обычай – это формирование общего консенсуса в отношении определенного правила поведения, которое устанавливается как объективное право²³. Сущность обычая проявляется в единообразном реагировании различных субъектов сообщества на определенный тип социальных отношений. Такое поведение свидетельствует о существовании еще не формализованной нормы, в отношении которой у участников сложилось устойчивое представление о ее правомерности и обязательности [Scelle 1948:574-575]. В сходных словах Ж. Пикте описывал принцип гуманности – это «нечто понятое, но не выраженное на самом деле» [Pictet 1956:14].

Л. Оппенгейм отмечал, что обычай – это первоначальный источник международного права [Оппенгейм 1948:45-46]. Вместе с тем международный обычай – самый противоречивый [Petersen 2017:357], проблематичный [Исполинов 2023:72] его источник.

Источник права рассматривается как внешняя форма закрепления, выражения или существования принятых государствами правовых

¹⁹ Международное право. В 2 т. Под. ред. А.Я. Капустина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт. 2019. Т. 1. Общая часть. С. 89.

²⁰ Толстых В.Л. Курс международного права. Учебник. М.: Международные отношения. 2022. С. 216.

²¹ Текст проектов. Вывод 8. Указ. соч. С. 132.

²² Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment. – *ICJ Reports*. 198. P. 98.

²³ Международное право. Указ. соч. С. 91-92.

норм [Даниленко 1988:8]. Источниками международного права являются формы, в которых оно воплощается, существует [Черниченко 2014:38].

Теория не вызывает сомнений, однако на практике все намного проблематичнее. В чем воплощается международный обычай – это порой загадка для исследователей и практиков (особенно для представителей романо-германской правовой семьи). Где найти норму, которая не написана на бумаге и должна быть выражена поведением государств, их заявлениями, а также верой в нее как в истинное право? Международный суд ООН пояснил, что «материалы обычного международного права следует искать в первую очередь в практике и *opinio juris* государств»²⁴. Говорят, что обычай «происходит из», его «ищут» или «находят в» его элементах [Postema 2007].

А в какой форме существует его элементы?

3. В поисках международного обычая

Оба элемента международного обычая проявляют себя в рамках сотрудничества между государствами – в решениях МС ООН²⁵, межгосударственных арбитражей, в документах универсального уровня, принятых ООН, другими межправительственными организациями и конференциями [Daillier 2009:356-358] (причем обычаи в области МППЧ часто отражаются в деятельности именно международных органов).

В доктрине называют такие свидетельства *практики* государств, как деятельность органов государственной власти, дипломатические действия, заявления от имени руководства государства и т. п. [Show 2008:82].

Доказательства признания нормы в качестве правовой (*opinio juris*) могут включать следующие формы: официальные акты государств (публичные заявления официальных представителей, правовые позиции государственных органов, дипломатическая переписка, действия, связанные с принятием резолюций международными организациями и конференциями; судебная практика национальных судов; положения

заключаемых государством международных договоров)²⁶.

Также обычай, несомненно, может воплощаться через другие источники международного права.

Договоры. Международное право прав человека сформировалось на основе договорного и мягкоправового регулирования (декларации, основные принципы и т. д.). Тем не менее нормы, сформулированные в договорах, касающихся прав человека, во многом опирались на международный обычай.

Ю.С. Ромашев отмечает, что «включение правила поведения, соответствующего складывающейся или сложившейся практике, в международный договор может оцениваться как *opinio juris*, если его рассматривать как акт одностороннего признания со стороны государства» [Ромашев 2018:138].

В разработанном Комиссией международного права ООН в 1950 г. перечне критериев определения международно-правового обычая тексты договоров занимают приоритетную позицию²⁷ [Ильинская 2012:119].

Однако в контексте дискуссии о генезисе источников международного права существует альтернативная точка зрения, согласно которой «положения Всеобщей декларации прав человека (1948), как нормы международного мягкого права, были признаны сначала в договорном порядке, а затем получили всеобщую практику. В данном случае признание подобного рода правил в качестве правовой нормы опережает практику, но без ее наличия не может возникнуть обычно-правовая норма». [Ромашев 2018:139]

Нормы, изложенные в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), рассматриваются как нормы международного обычного права. Например, Управление Верховного Комиссара по правам человека (УВКПЧ) подчеркивает, что запрет пыток представляет собой норму обычного международного права, имеющую императивный характер для всех членов международного сообщества вне зависимости от их участия либо

²⁴ International Court of Justice: Continental Shelf case (Libyan Arab Jamahiriya v. Malta). Judgement of 3 June 1985. – *ICJ Reports*. 1985. P. 29.

²⁵ Fisheries case (United Kingdom v. Norway). Judgment of December 18th. 1951. – *ICJ Reports*. 1951. P. 116.

²⁶ Текст проектов. Вывод 10. Указ. соч. С. 157.

²⁷ Yearbook of the International Law Commission. 1950. N. Y. 1957. Vol. 1. P. 367.

неучастия в каких-либо международных договорах, запрещающих применение пыток²⁸.

Ссылка в Руководстве 2020 на ст. 36 ДП I при том что положения Дополнительных Протоколов, в отличие от положений Женевских конвенций 1949 г., не признаны обычными нормами, косвенно может свидетельствовать о том, что УВКПЧ все-таки рассматривает именно ст. 36 ДП I в качестве обычая (сложно делать объективные выводы, поэтому просто отмечаем тенденцию).

Договоры и обычаи хоть и взаимосвязаны, но не сцеплены намертво: «Норма международного обычного права может сохраняться и применяться отдельно от договора даже при одинаковом с ним содержании и даже между сторонами договора»²⁹.

Общие принципы права «по своей природе наиболее основные положения международного обычного права» [Дурденевский 1956:45].

Так, Королевская комиссия, назначенная для рассмотрения закона, касающегося обвинительных преступлений, указала, что в силу принципа общего права, допущение применения силы для предотвращения преступлений, сохранения общественного спокойствия и привлечения преступников к ответственности все же подчиняется ограничению необходимости применения силы³⁰.

Мягкое право (резолюции международных организаций и межправительственных конференций) – часто недооцениваемый феномен, хотя его важность в современном процессе международного нормотворчества несомненна [Dixon, McCorquodale, Williams 2011:48].

Современные исследования подтверждают непосредственную роль международных организаций в формировании норм международного обычного права [Daugirdas 2020:203]. Многие положения рекомендательных документов по правам человека, благодаря их глобальному

признанию, приобрели статус международно-правового обычая³¹.

Резолюции сами по себе не создают норму обычного международного права, однако могут ее отражать³². «Резолюция констатирует, что определенные правила уже сложились как международный обычай... Их цель – облегчить восприятие содержания международного обычая» [Черниченко 1999:294-295].

Большая часть регулирования применения нелетального оружия в рамках правоохранительной деятельности происходит посредством мягкого права. К сожалению, данная ситуация характеризуется двумя ключевыми проблемами: во-первых, действующие стандарты носят для государств необязательный характер; во-вторых, большинство из них не учитывает потенциал современных технологических разработок [Koplow 2005:734]. Однако, как отмечается в доктрине, международные стандарты выполняют важную функцию закрепления прав человека и соответствующей обязанности государств – как правоприменителей международного обычного права – обеспечивать соблюдение этих прав [Лазутин, Лихачев 2021:39].

Два документа, которые получили широкое признание в сфере правоохранительной деятельности – это *Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка* (1979) (*Кодекс*) и *Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка* (1990) (*Основные принципы*)³³. Эти документы были разработаны на основе активного диалога между экспертами в области охраны правопорядка и прав человека; в процесс их разработки и принятия было вовлечено большое число государств, что указывает на почти повсеместный консенсус относительно их содержания³⁴.

²⁸ Борьба против пыток. Изложение фактов № 4. Rev.1. – *Human Rights Fact Sheet # 4: Methods of Combating Torture*. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/commission/Rhrtfactsheet4.html> (дата обращения: 16.01.2025).

²⁹ См.: *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (Nicaragua v. United States of America). Merits. Judgment. – *ICJ Reports*. 1986. P. 14, 93-96. Paras. 174-179; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (Croatia v. Serbia). – *Judgment of the International Court of Justice*. 3 February 2015. Para. 88.

³⁰ Royal Commission appointed to consider the law relating to indictable offences ([1879] 36 House of Lords Papers 117, at p. 167.

³¹ Международная и внутригосударственная защита прав человека. Учебник. Под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут. 2011. – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

³² Толочко О.Н. Международное публичное право. Учебник. Минск: Вышэйшая школа, 2023. С. 25.

³³ Хейнс К. Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. A/HRC/26/36. Совет по правам человека. 1 апреля 2014 г. С. 9.

³⁴ Mr Ph. Alston. *Внесудебные, суммарные и произвольные казни: Записка Генерального секретаря. Промежуточный доклад*. A/61/311. 2006. С. 13-14.

Некоторые положения данных документов, несмотря на свою «мягкость», являются конкретным отражением обычного международного права. В их число входят основные положения этих документов, касающиеся применения силы – принцип крайней необходимости (применение силы только в случае крайней необходимости – ст. 3 Кодекса) и принцип пропорциональности (применение силы только в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей – ст. 3 Кодекса, преднамеренное применение силы со смертельным исходом может иметь место лишь тогда, когда оно абсолютно неизбежно для защиты жизни – принцип 9 Основных принципов)³⁵.

Кодекс характеризуется максимально общими нормами в отношении применения силы. В Основных принципах упоминания нелетального оружия содержится в двух положениях.

Принцип 2 призывает правительства и правоохранительные органы разработать и обеспечить должностных лиц различными видами оружия и боеприпасов, позволяющими дифференцированно применять силу, в том числе не приводящими к смерти, нейтрализующими видами оружия.

Принцип 3, почему-то повторяя положение о необходимости разработки «не приводящих к смерти, но нейтрализующих видов оружия», призывает также рассмотреть вопрос об их использовании и предписывает «осуществлять строгий контроль в отношении использования такого оружия».

Указанные концепции нашли неоднократное отражение в резолюциях Совета по правам человека. В частности:

- Резолюция 25/38: рекомендация по обеспечению правоохранительных структур нелетальным вооружением;
- Резолюция 38/11: рекомендация о необходимости обучения применению этому оружию с акцентом на его летальный потенциал.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что нормы об осуществлении правоохранительной деятельности с минимальными негативными последствиями для жизни и здоровья человека являются нормами международного обычного права. И даже не столько всеобщая

практика является таким подтверждением (которая практически во всех государствах характеризуется постоянными нарушениями), сколько *opinio juris* (все мировое сообщество признает принципы применения силы устоявшимися, а нарушения этих принципов – не соответствующими международному праву).

Конечно, основным актом мягкого права в сфере регулирования применения нелетального оружия является *Руководство по нелетальному оружию 2020 г.* – результат работы сообщества ученых и УВКПЧ.

Руководство основано на нормах МППЧ. Начиная с положений об основных принципах применения силы, документ переходит к общим вопросам нелетального оружия, а завершается детальным анализом возможных сценариев применения данного оружия и рекомендациями по использованию конкретных его видов.

Хотя рассматриваемое руководство представляет собой в настоящее время наиболее комплексный источник, регламентирующий применение нелетального оружия в правоохранительной сфере, оно тем не менее не углубляется в правила применения нелетального оружия в ситуациях экстерриториального характера; набор анализируемого оружия крайне ограничен, а также, что принципиально важно, в нем мало ссылок на обычаи. Хотя многие нормы, которые упоминает руководство, – это обычные нормы, в ссылках указываются декларации и договоры.

Также важное значение для урегулирования применения нелетального оружия имеют следующие документы мягкого права.

Справочное пособие по применению силы и огнестрельного оружия в рамках охраны правопорядка – в нем упоминаются право на жизнь и запрет пыток во время правоохранительной деятельности как международные обычаи³⁶.

Упомянутая выше резолюция Совета по правам человека от 6 июля 2018 г. 38/11 «Поощрение и защита прав человека в контексте мирных протестов» указывает на то, что неизбежное применение силы против толпы является незаконным в соответствии с МППЧ, напоминает о необходимости предоставить своим должностным лицам менее смертоносное оружие, а также, что интересно, также подчеркивает

³⁵ Mr Ph. Alston. Внесудебные, суммарные и произвольные казни: Записка Генерального секретаря. Промежуточный доклад. A/61/311. 2006. С. 15-20.

³⁶ United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR): *Resource book on the use of force and firearms in law enforcement*. United Nations. New York. 2017.

важность тщательной и независимой проверки менее смертоносного оружия до его закупки (снова отсылка к ст. 36 ДП I).

Руководство для инструкторов по правам человека для полиции «Права человека и правоохранительная деятельность» указывает, что международные стандарты в области прав человека обладают обязательной силой для всех государств и их должностных лиц, в том числе для сотрудников правоохранительных структур³⁷. В документе указывается на обязательность этих норм для всех государств, что придает им характер международного обычного права.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными были признаны в качестве международного обычного права³⁸. В этом документе нас интересуют средства усмирения. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания определяет их как «меры обеспечения безопасности, которые не имеют терапевтического обоснования»³⁹. Сразу приходит на ум возможное использование нелетального оружия (например, биохимических веществ) в качестве средства усмирения.

Однако принципы разрешают их применение только в трех случаях:

- 1) для недопущения побегов во время перемещения заключенных;
- 2) по причинам медицинского характера;
- 3) если существует риск нанесения вреда заключенным самому себе или окружающим, а альтернативные методы не дают результата.

Также в правиле 1 устанавливается запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания, а правило 82 подчеркивает, что

применяемая сила должна быть пропорциональна угрозе, исходящей от лица, против которого она применяется.

Итак, в МППЧ выработано достаточное количество общих правовых обязательных стандартов в области обеспечения и защиты прав и свобод человека, опираясь на которые государства вполне могут давать оценку законности применения того или иного вида нелетального оружия. Причем базируются эти стандарты на нормах обычного права.

Тем не менее акты международных организаций, за исключением наиболее давних и исторически значимых (Всеобщая декларация прав человека)⁴⁰, являются нормами мягкого права и даже не указаны в ст. 38 Статута МС ООН.

Важность существования актов мягкого права подчеркивает М.Л. Энтин: «Мягкое право – с возможностью его превращения в жесткое – нужно брать на вооружение и пользоваться им»⁴¹.

Судебная практика. Международные судебные органы, особенно МС ООН, являются «поставщиками» международных обычаев. Часто именно суды подтверждают существование обычая как источника, в то время как их решения являются вспомогательными. «Международный обычай иногда имеет сумеречное существование, в течение которого оно с трудом отличается от морали или справедливости, до того момента, когда суд подтвердит его юридическое качество»⁴².

Так, МС ООН указал, что «принцип самоопределения народов подтвержден Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества

³⁷ *Human Rights & Law Enforcement: A Manual on Human Rights Training for the Police* (Professional Training Series Number 5). January 1, 1997. UN Centre for Human Rights High Commissioner for Human rights. P. 22.

³⁸ Mr Ph. Alston. Op. cit. P. 13-14.

³⁹ Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. *Средства усмирения в психиатрических учреждениях для взрослых (Пересмотренные стандарты КПП)*. Страсбург, 21 марта 2017 г. С. 2.

⁴⁰ Воспроизведение содержания Декларации в последующих обязательных документах, ее признание государствами, не участвующими в соответствующих международных договорах, дает основание рассматривать положения Декларации как нормы обычного права. См.: *Международная и внутригосударственная защита прав человека. Учебник*. Под ред. Л.Х. Мингазова. М.: Проспект. 2021. С. 485.

⁴¹ *Международное право: вечный двигатель нуждается в ремонте? – XII Петербургский международный юридический форум*. 26 июня 2024 г. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/5351/#broadcast> (дата обращения: 16.01.2025).

⁴² *New Jersey v. Delaware*. 295 U.S. 694 (1934).

между государствами»⁴³ (положения которой в силу универсальности признаны обычными); что «резолюции и иные документы органов ООН могут иметь нормативное значение, обеспечивать доказательства существования права»⁴⁴.

В деле *Вопросы, касающиеся обязательств осуществлять судебное преследование или выдавать (Бельгия против Сенегала)* МС ООН установил, что запрет пыток является частью корпуса прав *jus cogens*. В деле *Амаду Садио Диалло (Республика Гвинея против Демократической Республики Конго)* Суд сделал вывод, что запрет бесчеловечного и унижающего достоинство обращения относится к нормам международного права, которые являются обязательными при любых обстоятельствах, даже в случае отсутствия договорных обязательств.

Одним из знаковых примеров применения международного обычая в рамках *национального судопроизводства* стало решение по делу *Filártiga v. Peña-Irala*⁴⁵. В данном деле суд, изучив источники, из которых, по его мнению, выводится международный обычай – практику государств, судебные решения и работы правоведов – нашел, что запрет пыток – это международный обычай.

Тем не менее международный обычай и решение суда как источники международного права должны быть разграничены. Суд не может устанавливать обычай, он может только интерпретировать факты международной жизни, выявляя практику и/или *opinio juris*. Как отмечает В.Л. Толстых: «Оба элемента обычая находятся за пределами границ судебного познания: суд не может устанавливать их непосредственно»⁴⁶.

Уникальность источников международного права в том, что они существуют и взаимодействуют между собой по принципу «круг не имеет

начала». Часто акты мягкого права являются подтверждениями основных источников. И наоборот, документы мягкого права являются средствами выражения основных источников.

4. Применимость международных обычаев при урегулировании отношений, связанных с нелетальным оружием

Изученный материал уже на этом этапе позволяет сделать вывод, что вряд ли можно сформулировать какой-либо международный обычай в отношении нелетального оружия в целом и какого-то из его видов в частности. Это связано со следующими факторами:

- даже самые «старинные» его виды (кинтическое, химическое, электрическое) не сильно интересуют международное право. Учитывая, что не существует конкретных обычаев даже для некоторых видов смертоносного оружия, однозначную и согласованную практику и *opinio juris* государств в отношении применения резиновых пуль, средств борьбы с беспорядками, электрошокеров выявить на данный момент невозможно;

- что же касается новых видов нелетального оружия, то тут происходит ситуация, сходная с вопросом применения ядерного оружия – слишком мало времени, чтобы сформировать практику.

Неоднородность (и, скорее всего, намеренная скрытность) практики применения нелетального оружия, разные подходы государств – все это говорит об отсутствии элементов обычая. Наиболее значимой и широкомасштабной ситуацией применения новых видов нелетального оружия (инкапаситанты⁴⁷, усыпляющий газ) остается «Норд-Ост» (теракт на Дубровке в 2002 г.), который вызвал общественный резонанс, однако,

⁴³ Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. 2004. P. 40. Para. 87.

⁴⁴ Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. Advisory Opinion. – *ICJ Reports*. 1996. P. 254-255. Para 70.

⁴⁵ *Filartiga v. Pena-Irala*. 630 F.2d 876 (2d Cir. 1980).

⁴⁶ Толстых В.Л. Указ. соч. С. 222.

⁴⁷ Инкапаситанты – средства, временно выводющие из строя живую силу на период от нескольких часов до нескольких дней с момента его воздействия на организм [Cooper, Rice 2001:388-391] Действие инкапаситантов основано на вмешательстве в функционирование высших регуляторных механизмов центральной нервной системы. См.: Non-Lethal Weapons and Future Peace Enforcement Operations: RTO Technical Report (TR-SAS-040). – *NATO Research and Technology Organization*. Brussels: NATO. November 2004.

он не достиг такого уровня, чтобы государства сформировали правило поведения в отношении инкапаситантов.

Учитывая, что указанные виды оружия являются средством нарушения, а в избыточном регулировании нет необходимости, применение нелетального оружия необходимо рассматривать с точки зрения более обширных и основополагающих запретов и ограничений, например, запрет подвергаться пыткам, запрет на произвольное лишение жизни, рабство, геноцид и т. д. Хотя МППЧ не устанавливает *per se* запрета на применение оружия, отдельные способы его эксплуатации способны представлять собой нарушение прав человека и, соответственно, быть незаконным в соответствии с международным правом [Casey-Maslen 2010:25].

Основное право, которое обеспечивает нелетальное оружие – это право на жизнь. Запрет на произвольное лишение жизни является абсолютным и не допускающим отступлений и является нормой обычного международного права⁴⁸ [Moeskli et al. 2010:221]. Его также считают частью корпуса *jus cogens* [Nowak 2005:122].

Право на жизнь может быть защищено надлежащим образом только в случае соблюдения всех ограничений в отношении применения силы, предусмотренных международным правом⁴⁹. В определенных ситуациях нелетальное оружие является на самом деле довольно летальным и может причинить серьезные повреждения. Риски зависят от типа оружия, контекста его использования и уязвимости объекта применения.

Например, в Руководстве 2020 приводятся примеры нарушающего право на жизнь использования нелетального оружия:

Резиновые дубинки – «следует избегать тычковых ударов дубинкой и ударов наотмашь по грудной клетке, шее и голове ввиду опасности

повреждения и даже разрыва жизненно важных органов».

Ирританты – «под воздействием больших доз могут произойти некроз тканей дыхательных путей и пищеварительной системы, отек легких и внутреннее кровотечение. Существует повышенный риск воспламенения, например, если такой аэрозоль применен против человека, который в этот момент курит».

Электрошоковое оружие – «не следует применять против лиц, находящихся на возвышении, в связи с опасностью получения ими травм головы в результате падения». Определенные условия повышают риск причинения смерти при применении электрошока, например: сердечно-сосудистые заболевания, эпилепсия, прием рецептурных препаратов, употребление наркотиков или алкоголя, удар в область сердца и другие чувствительные участки тела, детский возраст и худощавость (подверженность риску повреждения внутренних органов из-за меньшей толщины покровов), пожилой возраст (подверженность травмам опорно-двигательного аппарата), проблемы с психическим здоровьем или невосприимчивость к боли (например, из-за нарушения нейромышечной связи).

И это руководство не упоминает о повреждениях, которые могут нанести инкапаситанты и электромагнитное оружие, считающиеся самыми опасными видами нелетального оружия.

Абсолютный и не допускающий отступлений запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания сегодня признается всеми в качестве ключевого принципа международного обычного права⁵⁰. Запрет на пытки также является императивной нормой (*jus cogens*)⁵¹.

Этот запрет основан на широко распространенной международной практике и *opinio juris* государств. Он появляется в многочисленных

⁴⁸ United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR). *Resource book on the use of force and firearms in law enforcement*. United Nations. New York. 2017. P. 11; African Commission on Human and Peoples' Rights. General Comment No. 3 on the African Charter on Human and Peoples' Rights: The Right to Life. Article 4. Adopted in November 2015. Para. 27.

⁴⁹ Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях Кристофа Хейнса. A/HRC/26/36, 2014; Резолюция Европейского парламента об использовании ударных беспилотников (2014/2567(RSP)).

⁵⁰ Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal). Judgment of 20 July 2012. – *ICJ Reports*. 2012. Para. 99; Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo). Judgment of 30 November 2010. 50 ILM 37 (2011). Para. 87; резолюция 8/8 Совета по правам человека; резолюция 70/146 Генеральной Ассамблеи.

⁵¹ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания A/72/178. 2017 г. С. 10; Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal). Judgment of 20 July 2012. – *ICJ Reports*. 2012. Para. 99.

международных документах универсального применения и был введен во внутреннее право почти всех государств; наконец, акты пыток регулярно осуждаются на национальных и международных форумах⁵².

Руководство 2020 отмечает, что в зависимости от обстоятельств излишнее или чрезмерное применение силы может быть равносильно пыткам или жестокому обращению.

Поскольку государства должны предотвращать применение разрешенного законом оружия, если его применение является нарушением запрета на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, они в обязательном порядке и безотносительно к своим обязательствам по договорам несут обязанность по регулированию применения оружия⁵³.

Тем не менее нарушение запрета пыток с помощью нелетального оружия достаточно часто происходит, причем в разных странах. Так, Европейский Суд по правам человека рассматривал дела, связанные с незаконным применением ирритантов и резиновых дубинок: *Ali Güneş v. Turkey*⁵⁴, *Tali v. Estonia*⁵⁵, *Антипенков против РФ*⁵⁶. В 2022 г. на пограничном переходе Мелилья силы безопасности Испании и Марокко совершили действия, которые могут быть приравнены к пыткам и другим видам жестокого обращения, чтобы остановить людей, пытающихся пересечь границу. Сотрудники полиции и пограничной стражи обеих стран применяли дубинки, слезоточивый газ, резиновые пули. Также утверждается, что сотрудники правоохранительных органов с близкого расстояния обстреляли резиновыми пулями группу мигрантов на испанской стороне погранперехода⁵⁷.

Электрическое, кинетическое, химическое, оружие направленной энергии вызывают особую озабоченность, так как их применение чаще всего нарушает право не подвергаться пыткам, жестокому и бесчеловечному обращению и наказанию. Специфика нелетальных средств, вызывающих болевой эффект без видимых физических повреждений, создает потенциальные риски их использования в качестве инструментов пыток⁵⁸.

Практика использования пыток остается, к сожалению, распространенным явлением [Roberts 2001:769]. Что делать, если в законе установлен запрет на пытки, а исполнительная власть практикует их? Можно ли сказать, что в данном случае указанные действия – практика органа исполнительной власти и, соответственно, практика государства?

На этот вопрос дает ответ Текст проектов – «Следует учитывать всю имеющуюся практику конкретного государства, ... [и] оценивать во всей совокупности»⁵⁹. Действительно, если в государстве существует хотя бы одна норма об уважении прав человека или отсылка на международный акт – наверно, невозможно в таком случае говорить о всеобщей и согласованной практике государства/группы государств.

Также следует отметить, что, во-первых, все-таки данные нарушения, несмотря на их фактическую распространенность, не афишируются государствами в качестве легальной практики. Во-вторых, такая логика могла бы сработать с другими отраслями международного права, но не в рамках МППЧ, где запрет пыток установлен в качестве нормы *jus cogens*.

Еще одна проблема, связанная с использованием ряда видов оружия несмертельного дей-

⁵² Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal). Judgment of 20 July 2012. – ICJ Reports. 2012. Para. 99.

⁵³ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. A/72/178. 2017. С. 24-25.

⁵⁴ European Court of Human Rights. Case of Ali Güneş v Turkey. Judgment (App. No.9829/07). 10 April 2012.

⁵⁵ Report to the Government of Bosnia and Herzegovina on the visit to Bosnia and Herzegovina carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 19 to 30 March 2007. CPT/Inf (2009) 25. Strasbourg. 14 October 2009; European Court of Human Rights. Tali v. Estonia. Judgment (App.No. 66393/10). 13 February 2014. Para. 78.

⁵⁶ European Court of Human Rights. Antipenkov v. Russia, Judgment (App. no. № 33470/03). 15 October 2009.

⁵⁷ Наиболее резонансные случаи нарушения прав человека в отдельных странах мира. Доклад Министерства иностранных дел Республики Беларусь. 2023. URL: https://mfa.gov.by/kcfinder/upload/files/Press_Service/23.06.22_report_hr.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

⁵⁸ Amnesty International's Concerns about Taser Use: Statement to the U.S. Justice Department Inquiry into Deaths in Custody. – Amnesty International. 2007. P. 4. URL: <https://www.amnesty.org/en/wpcontent/uploads/2021/05/AMR511512007ENGLISH.pdf> (accessed date: 16.01.2025).

⁵⁹ Текст проектов. Вывод 7. Указ. соч. С. 150.

ствия заключается в его *неизбирательности*⁶⁰. Оружие, которое не может быть применено по отношению к отдельно взятому лицу⁶¹, относится к неизбирательному оружию. Большинство видов нелетального оружия неизбирательны: химическое, биохимическое, биологическое, акустическое. Неизбирательным оружием может быть и кинетическое, если выпускать снаряды в автоматическом или веерном режиме, электромагнитное, типа ADS⁶², площадь воздействия которого может быть достаточно большой и т. д.

Неизбирательное оружие может приносить сопутствующий ущерб: например, в ситуации мирного митинга применением оружия могут быть затронуты не только отдельные провокаторы, но и спокойно стоящие рядом граждане; при операции по освобождению заложников – захваченные заложники («Норд-Ост» – инкаспитанты, посольство в Лиме – акустическое оружие⁶³).

Принципы необходимости и пропорциональности в таком случае несколько размываются. Однако сам по себе неизбирательный характер оружия не означает, что оно является незаконным. В то же время оно может стать таковым в случае, если влечет за собой тяжелые последствия (массовые смерти из-за инкаспитантов при штурме театра на Дубровке) или используется в определенных обстоятельствах (например, распыление слезоточивого газа в закрытом помещении, применение электрошокеров и дубинок к тому, кто уже взят под контроль)⁶⁴.

Таким образом, мы снова приходим к тому, что любое применение силы должностными лицами по поддержанию правопорядка должно соответствовать принципам законности,

предосторожности, необходимости, пропорциональности, недискриминации и подотчетности⁶⁵. Как указывалось выше, *принципы необходимости и пропорциональности* отражают международный обычай в рамках МППЧ.

Более конкретные запрещения, носящие характер международного обычая, относятся к таким видам нелетального оружия, как биологическое и биохимическое. Оба этих вида оружия являются неизбирательными.

Биологическое нелетальное оружие. Международное право разрешает использование биологических веществ исключительно в защитных или иных мирных целях. Вопрос о соответствии правоохранительной деятельности данным целям остается дискуссионным. Тем не менее биологические нелетальные средства, такие как ОС, широко применяются в практике многих государств для контроля массовых беспорядков.

Что касается нелетального биологического оружия, применяющегося по отношению к технике, Д. Коплоу отмечает, что «современные биотехнологии предлагают множество возможностей, которые могут быть адаптированы для полицейских миссий: микробы для разъедания резиновых шин на транспортных средствах, вещества, которое делает технику хрупкой и т. д. [Koplow 2005:723].

В научной литературе дискутируется гипотетическая возможность создания этноселективного оружия, основанного на применении генетически модифицированных патогенов и токсинов, избирательно воздействующих на представителей конкретных расовых или этнических групп⁶⁶ [Weber 1998:24-25]. Не вдаваясь в научную составляющую вопроса

⁶⁰ Omega Research Foundation and Amnesty International “The human rights impact of less lethal weapons”. P. 17-18, 26; резолюция 25/38 Совета по правам человека. П. 9.

⁶¹ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания A/72/178. 2017 г. С. 23.

⁶² Active Denial System (система активного сдерживания). Представляет собой установку, излучающую электромагнитные колебания, которая оказывает кратковременное тепловое воздействие на людей.

⁶³ Технически, в Лиме не было использовано акустическое оружие «как средство, предназначенное для вывода человека из строя». Во время осады воспроизводилась музыка на высокой громкости в сочетании с провокационными приемами (перемещение танков и другой тяжелой техники вдоль периметра посольства, полеты вертолетов над местом действия и стрельба в воздух). Эти действия служили, в том числе, для дезориентации, лишения сна и запугивания террористов. Однако абсолютно такое же целеполагание останется, если применить в данной ситуации акустическое оружие.

⁶⁴ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. A/72/178. 2017.

⁶⁵ Резолюция, принятая Советом по правам человека 6 июля 2018 г. 38/11 «Поощрение и защита прав человека в контексте мирных протестов».

⁶⁶ Mahnaimi U., Colvin M. Israel planning ‘ethnic’ bomb as Saddam caves. – *Sunday Times*. 15 November 1998. URL: <https://homepages.uc.edu/~chengy/times.html> (accessed date: 16.01.2025).

о возможности проведения генетического различия, отметим, что разработка и применение такого оружия нарушали бы императивные нормы международного права (*jus cogens*), включая *принцип равенства народов, запрет дискриминации и порабощения*. Также использование подобных средств подпадает под определение геноцида, поскольку предполагает целенаправленное причинение серьезного вреда членам определенной группы с целью ее полного или частичного уничтожения, и, соответственно, регулируется международным обычаем о *запрете геноцида*.

Биохимическое нелетальное оружие. Данный вид оружия применяется в качестве транквилизирующего средства или как психоактивное вещество. Если в первом случае мы можем говорить об инкапситах как о неизбирательном нелетальном оружии, то во втором мы сталкиваемся с вопросами *запрета порабощения, геноцида, преступлений против человечности* и выходим на уровень норм *jus cogens*.

Инкапсита могут иметь как синтетическое химическое, так и естественное биологическое происхождение [Lewer, Davison 2005:44]. Они могут вызывать седативный эффект, дезориентацию, потерю сознания и т. д. [Casey-Maslen 2010:6].

Применительно к ситуации «Норд-Оста», думается, можно говорить о *запрете экспериментов над человеком без его согласия* как норме международного обычая. Формула усыпляющего газа так и не была раскрыта ни общественности⁶⁷ [Дронова 2012:18], ни даже Европейскому Суду по правам человека⁶⁸. По предположениям, спецназ применил наркотический анальгетик фентанил или его производную. Можно предположить, что применение неизвестного биохимического вещества в таких масштабах в нетерапевтических целях является экспериментальной

техникой, а отсутствие согласия участников наводит на мысль о его незаконности.

Согласно Нюрнбергскому кодексу, «абсолютно необходимым условием является добровольное согласие испытуемого» на эксперимент. Кодекс изначально является судебным решением, однако, в последующие годы было принято немало других документов, более детально и строго регламентирующих практику биомедицинских экспериментов [Юдин 1998:172]. Все эти акты⁶⁹ содержат определенный перечень прав испытуемых. Основными из них являются: право на жизнь, личную неприкосновенность, здоровье, уважение частной жизни [Тарасьянц 2008:81]. В дальнейшем запрет на проведение опытов без свободного согласия лица закреплен в ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966).

Что касается применения психоактивных веществ, интерес у государств вызывают соединения, вызывающие избирательную потерю памяти, волну паники и провоцирующие депрессию [Уилис, Дэндо 2005:212], да и вообще любые вещества, способные дать контроль над поведением человека. М. Дэндо и М. Уиллис смоделировали последствия использования таких веществ в рамках правоохранительной деятельности в нескольких сценариях (табл. 1) [Уилис, Дэндо 2005:217].

Таблица 1

Сценарии последствий использования веществ, способных влиять на поведение человека (по версии М. Дэндо и М. Уиллиса)

Сценарий	Метод
Массовая модификация поведения	Контаминация пищевых и водных ресурсов
Получение информации при допросе	Фармакологическое воздействие («сыворотка правды»)
Политический контроль	Применение инкапсита для умиротворения населения

⁶⁷ См.: Adams P. What was the gas? – BBC News*. 28 October 2002. URL: <http://www.news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2366913.stm> (дата обращения: 07.05.2025).

* Русская служба BBC внесена Роскомнадзором в реестр интернет-ресурсов, содержащих призывы к массовым беспорядкам, экстремизму и участию в незаконных массовых акциях.

⁶⁸ Постановление Европейского суда по правам человека от 20 декабря 2011 г. «Дело «Финогенов и другие (Finogenov and others) против Российской Федерации» (жалобы № 18299/03 и 27311/03). – *Бюллетень Европейского суда по правам человека*. 2012. № 9.

⁶⁹ Хельсинкская декларация «О принципах проведения научных исследований с участием человека в качестве объекта». Руководство по надлежащей клинической практике, разработанное ICH. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г.

Такое применение биохимических веществ, или, как их называет Дж. Морено, «нейрооружия», перемещает правоприменителей туда, где можно «подвергнуть опасности сущностную природу или личность» [Moreno 2006:19]. Управление людьми с помощью подобных методов может быть приравнено к рабству, а запрещение рабства является нормой обычного международного права, нормой *jus cogens*, что, несомненно, ограничивает применение данного нелетального оружия в области МППЧ.

5. Выводы

Итак, международно-правовой обычай сохраняет свою значимость⁷⁰, в том числе в вопросах регулирования применения нелетального оружия в правоохранительной деятельности.

В действительности ни одно государство не ставит под сомнение необходимость защиты права на жизнь, недопустимость пыток, обеспечение гуманного и достойного обращения и наказания и т. д. Именно эти аспекты являются ключевыми, по нашему мнению, при рассмотрении вопросов регулирования применения нелетального оружия в условиях мирного времени.

Когда неясно, где искать норму, когда во фрагментированном международном праве нет ничего, чтобы хоть как-то официально регулировало данный вопрос, когда у государств диаметрально противоположная позиция по вопросу, когда вообще непонятно, откуда брать информацию – а информацию брать надо – то обычай приходит на помощь. Достаточно часто такое случается в ситуациях урегулирования применения нелетального оружия.

К сожалению, обычаев в МППЧ, регулирующих или запрещающих применение оружия, большая часть которого является, во-первых, новым, во-вторых – относительно безопасным, обнаружить не удалось. В МПП ситуация чуть позитивнее, тем не менее для обоснования применимости международных обычаев к отдельным видам нелетального оружия нужна очень сильная аргументация.

Таким образом, в рамках МППЧ к международным обычаям, регулирующим применение нелетального оружия, можно подойти только через общие принципы применения силы и защиты прав человека.

Пытки, жестокое и бесчеловечное отношение, нарушение права на жизнь, и даже рабство и геноцидальные практики существуют, и, к сожалению, часто практикуется в мирное время, в том числе посредством применения нелетального оружия. Тем не менее соблюдение международных стандартов прав человека – это международные обязанности государства [Лазутин, Лихачев 2021:39]. Обычай может успешно применяться, когда государство, нарушая международные обязанности, декларирует, что конкретные нормы отсутствуют, что оно не брало на себя никакие обязательства.

Именно в этом заключается фундаментальное различие между общими принципами международного права и многими национальными системами прав человека. Если во многих национальных правовых системах приоритет отдается охране закона и правопорядка, то главная цель международного права состоит в сохранении жизни и физической неприкосновенности⁷¹.

Список литературы

1. Вылегжанин А.Н., Каламкрян Р.А. 2012. Значение международного обычая в современном международном праве. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 5-29.
2. Давид Э. 2011. *Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанный на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета*. Москва: Международный Комитет Красного Креста. 1141 с.
3. Давлетгильдеев Р.Ш. 2013. К вопросу о подходах к фрагментации международного права. – *Российский юридический журнал*. № 3. С. 20-25.
4. Даниленко Г.М. 1988. *Обычай в современном международном праве*. Москва: Наука. 192 с.
5. Дронова К.С. 2012. «Финогенов и другие против России»: защита права на жизнь на грани мира и войны. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 декабря 2011 года. – *Международное правосудие*. № 3 (4). С. 16-23.

⁷⁰ Толочко О.Н. Указ. соч. С. 26.

⁷¹ Хейнс К. Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. A/HRC/26/36. Совет по правам человека. 1 апреля 2014. С. 15.

6. Дурденевский В.Н. 1956. Пять принципов. – *Международная жизнь*. № 3. С. 45-53.
7. Ильинская О.И. 2012. Вопросы применения международных обычно-правовых норм. – *Журнал российского права*. № 11 (191). С. 114-125.
8. Исполинов А. 2023. Риски современного международного обычая и пути их минимизации. – *Международное правосудие*. № 2 (46). С. 70-91.
9. Лазутин Л.А., Лихачев М.А. 2021. Права человека: единство российского и международного права, конкуренция решений судов. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 31-44.
10. Оппенгейм Л. 1948. *Международное право*. Перевод с 6-го английского издания, дополненного Г. Лаутерпахтом. Под ред. и с предисловием С.Б. Крылова. Том I, полутом 1. Москва: Государственное издательство иностранной литературы. 480 с.
11. Ромашев Ю.С. 2018. Признание практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*) при формировании международного обычая. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 124-148.
12. Тарасьянц Е.В. 2008. Международно-правовые аспекты защиты прав человека при проведении биомедицинских исследований. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 62-82.
13. Тункин Г.И. 1970. *Теория международного права*. Москва: Международные отношения. 511 с.
14. Уилис М., Дэндо М. 2005. Нейробиология: к вопросу о неминуемой милитаризации биологии. – *Международный журнал Красного Креста*. Т. 87. № 859. С. 199-223.
15. Фидлер Д.П. 2005. Значение происшедшего в Москве: оружие «несмертельного действия» и международное право в начале XXI века. – *Международный журнал Красного Креста*. Т. 87. № 859. С. 157-197.
16. Черниченко С.В. 2014. *Контуры международного права. Общие вопросы*. Москва: Научная книга. 592 с.
17. Черниченко С.В. 1999. *Теория международного права. Старые и новые теоретические проблемы*. В 2-х т. Москва: НИМП. Т. 2. 531 с.
18. Юдин Б.Г. 1998. Горький юбилей. – *Биоэтика: принципы, правила, проблемы*. Ред. Б.Г. Юдин. Москва. 472 с.
19. Bederman D.J. 2010. Acquiescence, Objections and the Death of Customary International Law. – *Duke Journal of Comparative & International Law*. Vol. 21. P. 31-45.
20. Bradley C.A., Gulati M. 2010. Withdrawing from International Custom. – *Yale Law Journal*. Vol. 120. № 2. P. 202-275.
21. Casey-Maslen S. 2010. Non-kinetic-energy weapons termed 'non-lethal'. – *A Preliminary Assessment under International Humanitarian Law and International Human Rights Law*. Geneva: ICRC. 86 p.
22. Cooper G., Rice P. 2001. Special issue – chemical casualties: Centrally acting incapacitants. – *Journal of the Royal Army Medical Corps*. Vol. 148 (4). P. 388-391.
23. Daillier P. 2009. *Droit international public*. 8 ed. Paris: L.G.D.J. 1709 p.
24. Daugirdas K. 2020. International Organizations and the Creation of Customary International Law. – *The European Journal of International Law*. Vol. 31. Issue 1. P. 201-233.
25. Dixon M., McCorquodale R., Williams S. 2011. *Cases and Materials on International Law*. Oxford: Oxford University Press. 708 p.
26. Helfer L.R., Wuerth I.B. 2016. Customary International Law: An Instrument Choice Perspective. – *Michigan Journal of International Law*. Vol. 37. № 4. P. 563-609.
27. Koplow D.A. 2005. Tangled up in Khaki and Blue: Lethal and Non-Lethal Weapons in Recent Confrontations. – *Georgetown Journal of International Law*. Vol. 36. № 3. P. 703-808.
28. Lewer N., Davison N. 2005. Non-lethal technologies – an overview. – *Disarmament Forum*. № 1. P. 37-51.
29. Moeckli [et al.] (eds.) 2010. *International Human Rights Law*. New York: Oxford University Press. 784 p.
30. Moreno J. 2006. *Mind Wars: Brain Research and National Defense*. New York: Dana Press. 250 p.
31. Nowak M. 2005. *U.N. Covenant on Civil and Political Rights – CCPR-Commentary*. 2nd ed. Kehl am Rhein, Germany; Arlington, VA: N.P. Engel Publishers. 1277 p.
32. Petersen N. 2017. The International Court of Justice and the Judicial Politics of Identifying Customary International Law. – *The European Journal of International Law*. Vol. 28. Issue 2. P. 357-385.
33. Pictet J. 1956. *Red Cross Principles*. Geneva: ICRC.
34. Postema G.J. 2007. Custom in international law: a normative practice account. – A. Perreau-Saussine, J.B. Murphy (eds.). *The Nature of Customary Law: Legal, Historical and Philosophical Perspectives*. Cambridge University Press. P. 279-306.
35. Postema G.J. 2012. Custom, Normative Practice, and the Law. – *Duke Law Journal*. Vol. 62. P. 707-738.
36. Roberts A. 2001. Traditional and Modern Approaches to Customary International Law: A Reconciliation. – *American Journal of International Law*. Vol. 95. № 4. P. 757-791.
37. Scelle G. 1948. *Manuel de droit international public*. Paris: Domat-Montchrestein. 1008 p.
38. Scharf M.P. 2014. Accelerated Formation of Customary International Law. – *ILSA Journal of International & Comparative Law*. Vol. 20. No. 2. P. 305-341.
39. Show M.N. 2008. *International Law*. 6th ed. Cambridge University Press. 1542 p.
40. Tasioulas J. 2016. Custom, Jus Cogens, and Human Rights. – C.A. Bradley (ed.). *Custom's Future: International Law in a Changing World*. Cambridge University Press. P. 95-116.
41. Weber M. 1998. Israel is Developing "Ethnic Bomb" for Growing Biological Weapons Arsenal. – *The Journal of Historical Review*. Vol. 17. № 6. P. 24-25.

References

1. Bederman D. J. Acquiescence, Objections and the Death of Customary International Law. – *Duke Journal of Comparative & International Law*. 2010. Vol. 21. P. 31-45.
2. Bradley C.A., Gulati M. Withdrawing from International Custom. – *Yale Law Journal*. 2010. Vol. 120. № 2. P. 202-275.
3. Casey-Maslen S. Non-kinetic-energy weapons termed "non-lethal". – *A Preliminary Assessment under International Humanitarian Law and International Human Rights Law*. Geneva: ICRC. 2010. 86 p.
4. Chernichenko S.V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshhie voprosy* [Contours of International Law. General Issues.]. Moscow: Nauchnaja kniga. 2014. 592 s. (In Russ.)
5. Chernichenko S.V. *Teorija mezhdunarodnogo prava. Starye i novye teoreticheskie problemy*. [Theory of Inter-

- national Law. Old and New Theoretical Problems*]. V 2-h t. Moscow: NIMP. 1999. T. 2. 531 p. (In Russ.)
6. Cooper G., Rice P. Special issue – chemical casualties: Centrally acting incapacitants. – *Journal of the Royal Army Medical Corps*. 2001. Vol. 148 (4). P. 388-391.
 7. Daillier P. *Droit international public*. 8 ed. Paris: L.G.D.J. 2009. 1709 p.
 8. Danilenko G.M. *Obychaj v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Custom in modern international law]. Moscow: Nauka. 1988. 192 p. (In Russ.)
 9. David E. *Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov: kurs lektsii, pročitannyi na yuridicheskom fakul'tete Otkrytogo Bryussel'skogo universiteta* [Principles of the law of armed conflict: a lecture course delivered at the Faculty of Law of the Open University of Brussels]. Moscow: Mezhdunarodnyi komitet Krasnogo Kresta [ICRC]. 2011. 1144 p. (In Russ.)
 10. Daugirdas K. International Organizations and the Creation of Customary International Law. – *The European Journal of International Law*. 2020. Vol. 31. Issue 1. P. 201-233.
 11. Davletgil'deev R.Sh. K voprosu o podkhodakh k fragmentatsii mezhdunarodnogo prava. – [On the issue of approaches to the fragmentation of international law. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Law Journal]. 2013. № 3. P. 20-25. (In Russ.)
 12. Dixon M., McCorquodale R., Williams S. *Cases and Materials on International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2011. 708 p.
 13. Dronova K.S. «Finogenov i drugie protiv Rossii»: zashchita prava na zhizn' na grani mira i voyny. Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 20 dekabrya 2011 goda [“Finogenov and Others v. Russia”: Defending the Right to Life on the Brink of Peace and War. Judgment of the European Court of Human Rights of 20 December 2011]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice]. 2012. № 3 (4). P. 16-23. (In Russ.)
 14. Durdenevskij V.N. *Pjat' principov* [Five principles]. – *Mezhdunarodnaja zhizn'* [International Life]. 1956. № 3. P. 45-53. (In Russ.)
 15. Fidler D.P. Znachenie proisshezhshago v Moskve: oruzhie «nesmertel'nogo dejstviya» i mezhdunarodnoe pravo v nachale XXI veka [The Significance of What Happened in Moscow: Non-Lethal Weapons and International Law at the Beginning of the 21st Century]. – *Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta* [The International Review of the Red Cross]. 2005. Issue 87. № 859. S. 157-197. (In Russ.)
 16. Helfer L.R., Wuerth I.B. Customary International Law: An Instrument Choice Perspective. – *Michigan Journal of International Law*. 2016. Vol. 37. № 4. P. 563-609.
 17. Il'inskaya O.I. Voprosy primeneniya mezhdunarodnykh obychno-pravovykh norm [Issues of application of international customary legal norms]. – *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2012. № 11 (191). P. 114-125. (In Russ.)
 18. Ispolinov A. Riski sovremennogo mezhdunarodnogo obychnaja i puti ih minimizatsii [Risks of modern international custom and ways to minimize them]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice]. 2023. № 2 (46). P. 70-91. (In Russ.)
 19. Koplow D.A. Tangled up in Khaki and Blue: Lethal and Non-Lethal Weapons in Recent Confrontations. – *Georgetown Journal of International Law*. 2005. Vol. 36. № 3. P. 703-808.
 20. Lazutin L.A., Lihachev M.A. Prava cheloveka: edinstvo rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava, konkurencija reshenij sudov [Human rights: unity of Russian and International Law, competition of court decisions.]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2021. № 3. P. 31-44. (In Russ.)
 21. Lewer N., Davison N. Non-lethal technologies – an overview. – *Disarmament Forum*. 2005. № 1. P. 37-51.
 22. Moeckli [et al.] (eds.). *International Human Rights Law*. New York: Oxford University Press. 2010. 784 p.
 23. Moreno J. *Mind Wars: Brain Research and National Defense*. New York: Dana Press. 2006. 250 p.
 24. Nowak M. *U.N. Covenant on Civil and Political Rights – CCPR-Commentary*. 2nd ed. Kehl am Rhein, Germany; Arlington, VA: N.P. Engel Publishers. 2005. 1277 p.
 25. Oppenheim L. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Perevod s 6-go anglijskogo izdanija, dopolnenno go G. Lauterpahtom. Pod red. i s predislovie m S.B. Krylova. Vol. 1. Peace. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranno j literatury. 1948. 480 p.
 26. Petersen N. The International Court of Justice and the Judicial Politics of Identifying Customary International Law. – *The European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28. Issue 2. P. 357-385.
 27. Pictet J. *Red Cross Principles*. Geneva: ICRC. 1956.
 28. Postema G.J. Custom in international law: a normative practice account. – A. Perreau-Saussine, J.B. Murphy (eds.). *The Nature of Customary Law: Legal, Historical and Philosophical Perspectives*. Cambridge University Press. 2007. P. 279-306.
 29. Postema G.J. Custom, Normative Practice, and the Law. – *Duke Law Journal*. 2012. Vol. 62. P. 707-738.
 30. Roberts A. Traditional and Modern Approaches to Customary International Law: A Reconciliation. – *American Journal of International Law*. 2001. Vol. 95. № 4. P. 757-791.
 31. Romashev Ju.S. Priznanie praktiki v kachestve pravovoj normy (opinio juris) pri formirovanii mezhdunarodnogo obychnaja [Recognition of practice as a legal norm (opinio juris) in the formation of international custom]. – *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of Higher School of Economics]. 2018. № 2. P. 124-148. (In Russ.)
 32. Scharf M.P. Accelerated Formation of Customary International Law. – *ILSA Journal of International & Comparative Law*. 2014. Vol. 20. № 2. P. 305-342.
 33. Scelle G. *Manuel de droit international public*. Paris: Domat-Montchrestein. 1948. 1008 p.
 34. Show M.N. *International Law*. 6th ed. Cambridge University Press. 2008. 1542 p.
 35. Tasioulas J. Custom, Jus Cogens, and Human Rights. – C.A. Bradley (ed.). *Custom's Future: International Law in a Changing World*. Cambridge University Press. 2016. P. 95-116.
 36. Taras'yants E.V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty zashchity prav cheloveka pri provedenii biomeditsinskikh issledovanii [International legal aspects of human rights protection during biomedical research]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2008. № 2. P. 62-82. (In Russ.)
 37. Tunkin G.I. *Teorija mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1970. 511 p. (In Russ.)

38. Vylegzhanin A.N., Kalamkarjan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obychnaja v sovremennom mezhdunarodnom prave [The importance of international custom in modern international law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2012. № 2. P. 5-29. (In Russ.)
39. Weber M. Israel is Developing 'Ethnic Bomb' for Growing Biological Weapons Arsenal. – *The Journal of Historical Review*. 1998. Vol. 17. № 6. P. 24-25.
40. Wheelis M., Dando M. Nejrobiologija: k voprosu o neminuemoj militarizacii biologii [Neuroscience: Towards the Inevitable Militarization of Biology]. – *Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta* [International Journal of the Red Cross]. 2005. T. 87. № 859. P. 199-223. (In Russ.)
41. Yudin B.G. Gor'kii yubilei. Bioetika: printsipy, pravila, problem [Bitter Jubilee. Bioethics: principles, rules, problems]. Moscow. 1998. 472 p. (In Russ.)

Информация об авторах
Анастасия Александровна ДРЫГИНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела, Казанский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»

Н. Ершова ул., 58, Казань, 420081, Республика Татарстан

ana_drygina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3099-2413

About the Authors**Anastasia A. DRYGINA**

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Customs Affairs, Kazan Cooperative Institute (branch) of the autonomous non-profit educational organization of higher education of the Central Union of the Russian Federation "Russian University of Cooperation"

58, N. Ershova st., Kazan, Republic of Tatarstan, 420081

ana_drygina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3099-2413